

Ф.И. Успенский

**Константинопольский собор 842 года и
утверждение православия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф.И. Успенский**
Константинопольский собор 842 года и утверждение православия / Ф.И. Успенский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 88 с.

ISBN 978-5-518-07176-6

ISBN 978-5-518-07176-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

надлежащій основной своей частью къ XV вѣку; за нимъ слѣдуютъ два синодика XVI вѣка, изъ коихъ одинъ, хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, представляетъ любопытнѣйшія вставки русскаго происхожденія. Не говорю здѣсь о безчисленномъ множествѣ русскихъ синодиковъ, находящихся въ библіотекахъ и въ частныхъ собраніяхъ, которые представляютъ особый отличный типъ отъ разсматриваемыхъ здѣсь синодиковъ.

Можно попятъ на основаніи сказаннаго, что въ настоящее время возможна постановка вопроса объ изученіи Синодика, какъ историко-литературнаго памятника, по его происхожденію и составу. Въ составѣ Синодика ясно распознаются четыре слоя, отмѣчающіе четыре эпохи въ Византійской исторіи. Первый и основной, редакція котораго дана протоколами VII вселенскаго собора, выражаетъ торжество получившей перевѣсъ православной партіи при царѣѣ Θεодорѣ и Михаилѣ III въ 842 году. Эта основная часть, въ которой иконоборцы и иконопочитатели занимаютъ главное мѣсто, болѣе двухъ столѣтій оставалась безъ существенныхъ измѣненій и только въ XI вѣкѣ получила литературную переработку и значительную прибавку въ началѣ, разсматриваемую въ позднѣйшихъ спискахъ, какъ предисловіе Синодика. Нельзя, однако, думать, чтобы въ теченіе указаннаго періода церковь ни разу не встрѣчала необходимости употребить въ дѣло практику, узаконенную въ 842 году. Можно догадываться, что были случаи какъ внесенія въ Синодикъ новыхъ именъ, такъ и выключенія. Очень распространено и извѣстно сказаніе о томъ, какъ изглажено было изъ Синодика имя царя Θεοφύλα; сказаніе это получило извѣстную литературную форму въ серединѣ X вѣка.

Въ иконоборческую эпоху выдвигались, хотя и остались не порѣшенными, вопросы общаго характера, которые потомъ снова выступили на очередь и оставили по себѣ слѣды въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ. Виѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что періоды распространенія нашего памятника новыми статьями совпадаютъ съ періодами особеннаго напряженія умовъ въ Византіи и знаменуютъ собой глухую и мало отмѣченную писателями внутреннюю борьбу. Такъ какъ эта борьба отпращивалась изъ важныхъ принциповъ: національность и космополитизмъ, свобода научнаго изслѣдованія, выработка новыхъ формъ гражданственности и, наконецъ, вопросъ о духѣ и буквѣ свѣтскихъ и церковныхъ писателей,—то, понятно, что такіе вопросы придаютъ особенную цѣну Синодику. На основаніи Синодика

является возможнымъ прослѣдить эволюцію византійскаго общества, и тѣмъ любопытнѣе получаемые здѣсь выводы, что ихъ можно поставить въ связь и по нимъ провѣрять параллельное развитіе западно-европейскихъ народовъ.

Второе, главное наслоеніе, не говоря здѣсь о небольшихъ вставкахъ, относится ко времени царя Алексѣя Комнина; оно выражаетъ результатъ всего научнаго и общественнаго развитія XI вѣка. Съ философской точки зрѣнія на очереди стоялъ вопросъ о сравнительномъ авторитетѣ еллинской, то-есть, языческой мудрости и христіанскихъ церковныхъ учителей; въ богословскомъ смыслѣ—теорія міро-зданія, переселеніе душъ, ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ. Это суть тѣ самые вопросы, которые въ ту же эпоху выдвигаются въ западной философій и богословіи. Безъ сомнѣнія, здѣсь представляется обязательной задача параллельнаго изученія развитія философскаго и богословскаго самосознанія на западѣ и въ Византіи. Существеннѣйшія положенія, выдвинутыя учеными схоластиками XII и XIII вв. основывались, между прочимъ, на матеріалѣ, доставляемомъ византійскою ученостью; отсюда можно заключать, какія важныя проблемы открываются для сравнительнаго изученія философскаго мышленія среднихъ вѣковъ.

Третій слой Синодика относится ко времени царя Мануила. Онъ представляетъ въ себѣ результаты богословской борьбы, которая однако не кончилась въ царствованіе Мануила, но продолжалась и при слѣдующей династіи Ангеловъ. Внесенныя въ синодикъ постановленія соборовъ 1157 и 1166 года должны быть рассматриваемы какъ новое торжество православнаго большинства надъ меньшинствомъ, стремившимся отстоять принципъ свободнаго изслѣдованія въ приложеніи къ вѣроученію.

Четвертый и послѣдній слой оставилъ въ Синодикѣ XIV вѣкъ. Сюда относятся положенія противъ еретиковъ Варлаама и Акиндина, явившіяся результатомъ продолжительной и ожесточенной борьбы, главная роль въ которой принадлежит со стороны православныхъ извѣстному солунскому митрополиту Григорію Паламѣ. Трудно было бы понять внутреннія причины этой ожесточенной борьбы, еслибы мы ограничились своимъ кругозоръ сухими фактами богословской полемики о еаворскомъ свѣтѣ и не поискали тѣхъ пружинъ, которыя вызвали самую богословскую борьбу. Здѣсь уместно указать одно общее положеніе, выдвигаемое большинствомъ противъ меньшинства: почти всѣ еретическія мнѣнія національная партія въ Византіи клеймилъ име-

немъ или „латинскій“ и „италианскій“, или вообще иноземный. I. Италъ въ XI в. — представитель италианскаго или латинскаго неправомыслия; Дмитрій XII в. напитался вредными идеями вследствие частныхъ путешествій на западъ; въ XIV в. Варлаамъ есть съятель тоже западныхъ сорныхъ травъ. Въ высшей степени любопытно, что православная византійская партія есть въ то же время національная, и что въ борьбѣ православныхъ съ еретиками пріобрѣтаетъ значеніе національный элементъ. Изученіе послѣдней части синодика приводитъ къ заключенію, что жизненнымъ нервомъ всей борьбы, сосредоточенной около имени Варлаама, было западничество въ самомъ широкомъ значеніи слова — въ политикѣ, вѣроученіи, и что побѣда Григорія Паламы должна быть признана побѣдою національной партіи надъ латинствующей и западной.

Указанныя, послѣдовательно вошедшія въ Синодикъ, части не развиваютъ, а только намѣчаютъ богословскіе, философскіе и политическіе сюжеты. Въ Синодикѣ мы имѣемъ дѣло не съ системами, а съ краткими характеристиками системъ, составленными завѣдомо лицами противоположнаго направленія, не имѣвшими никакого интереса подробно говорить объ отвергнутыхъ церковью мнѣніяхъ. Рѣдко какая-либо случайность сохранила то или другое еретическое сочиненіе, весьма у не многихъ православныхъ писателей можно находить безпристрастіе въ изложеніи системъ противниковъ. А достанетъ ли словъ изобразить ту ревность, съ которою православные уничтожали еретическія сочиненія и, съ своей стороны, еретики вырывали страницы, подкаблывали и совсѣмъ уничтожали сочиненія православныхъ? Въ Дѣяніяхъ седьмого вселенскаго собора приводятся вещественныя доказательства порчи книгъ. Можно еще удивляться, что сохранилось хоть что-нибудь изъ письменныхъ памятниковъ того времени. Изъ этого легко понять, что не всегда возможно довести до ясности тѣ намеки, которые находимъ въ синодикѣ. Сказаннаго считаю достаточнымъ, чтобы объяснить благосклонному читателю какъ важность представляемаго Синодикомъ матеріала для культурной исторіи Византіи, такъ и способъ обработки этого матеріала.

Въ смыслѣ общенсторическихъ выводовъ, изученіе Синодика убѣждаетъ, что византійская исторія имѣетъ свои стадіи развитія, представляющія параллелизмъ съ западно-европейскимъ развитіемъ. Черезъ всю исторію Византіи проходитъ живая и упорная борьба изъ-за религіозныхъ и философскихъ идей. Эта борьба, часто совсѣмъ не отмѣченная историками, можетъ быть изучаема на основаніи или по-

лемическихъ, или ораторскихъ произведеній, восполняющихъ до нѣкоторой степени недостатокъ лѣтописи и утрату философскихъ системъ. Логическая послѣдовательность между старыми и вновь выдвигавшимися вопросами служить показателемъ извѣстнаго поступательнаго движенія въ развитіи византійскаго общества.

Основная часть Синодика въ недѣлю православія выражаетъ торжество православія надъ иконоборчествомъ и поему должна быть изучаема на основаніи историко-литературныхъ данныхъ иконоборческаго періода. Къ изслѣдованію о Синодикѣ можно бы предъявить требованіе, чтобы оно представляло полную исторію борьбы, нашедшей себѣ кѣ-нибудь выраженіе въ вопросѣ о почитаніи святыхъ иконъ; но мы не преслѣдуемъ такой широкой задачи, которая едва ли совмѣстима съ предѣлами комментарія къ Синодику, какъ историко-литературному памятнику. Отдѣленный отъ протоколовъ соборныхъ, Синодикъ переживалъ свою особенную исторію въ редакціяхъ, спискахъ и переводахъ на другіе языки, и эта исторія сама по себѣ представляетъ благодарный матеріалъ для разныхъ историческихъ и литературныхъ темъ. Синодикъ привлекаетъ къ себѣ научное вниманіе, какъ памятникъ мало изслѣдованный съ точки зрѣнія времени и историческихъ обстоятельствъ его происхожденія и почти совсѣмъ не затронутый со стороны его состава и разности редакцій. Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ и когда составленъ Синодикъ, какой былъ первоначальный составъ его, какъ происходили въ немъ постепенныя на-росты и прибавки,—на эти вопросы нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта.

Хотя въ византійской лѣтописи, описывающей время царицы Θεодоры и Михаила III, находимъ упоминанія о соборѣ 842 года, на которомъ было учреждено торжество православія, но эти упоминанія слишкомъ недостаточны, ибо выдаютъ въ себѣ черты, отличающія въ лѣтописцахъ либо незнаніе дѣйствительнаго положенія дѣла, либо легковѣрное довѣріе къ чужимъ словамъ, кромѣ же того, полны трудно примиримыхъ противорѣчій. Что Синодикъ во всемъ своемъ составѣ носитъ характеръ соборныхъ опредѣленій, въ этомъ нельзя сомнѣваться въ виду того, что для большей части заключающагося въ немъ содержанія можно отыскать оригиналъ въ соборныхъ протоколахъ. Уже этого было бы достаточно, чтобы и въ разсужденіи тѣхъ частей, для которыхъ не открытъ оригиналъ въ извѣстныхъ соборныхъ дѣяніяхъ, признать вѣроятнымъ положеніе о соборномъ ихъ происхожденіи. Въ смыслѣ такой вѣроятности можно

говорить о первой части Синодика, относящейся къ торжеству православія надъ иконоборствомъ. Должно думать, что эта часть во всемъ своемъ составѣ примыкаетъ къ собору 842 года и потерпнута изъ его дѣлѣній. Но актовъ этого собора не сохранилось, и такимъ образомъ утрачена возможность критическаго изученія Синодика въ главной и основной его части. Отсюда вытекаетъ потребность собрать объ этомъ соборѣ возможно полныя свѣдѣнія, которыя бы съ одной стороны могли объяснить условія, при какихъ происходило въ первый разъ торжество православія, съ другой—дать матеріалъ къ сужденію о томъ, что послѣдовало на этомъ соборѣ.

Въ виду утраты протоколовъ этого собора, особенную цѣнность получаютъ прямыя и косвенныя указанія, находямыя въ византійской исторической литературѣ. Но и въ этомъ направленіи изслѣдователя ожидаетъ полное разочарованіе. Хотя самые популярныя лѣтописцы, послужившіе примѣромъ и давшіе богатый матеріалъ для своихъ собратьевъ X, XI и XII вѣковъ, жили именно въ IX вѣкѣ, но для занимающаго насъ періода, въ особенности же для собора 842 года, они имѣютъ весьма маловажное значеніе. Лѣтопись Теофана доведена до 813 года, лѣтопись Георгія монаха до 842 года. Цѣлый рядъ писателей-лѣтописцевъ, извѣстныхъ по имени и анонимныхъ, которые примыкаютъ къ двумъ названнымъ лѣтописцамъ и слывутъ продолжателями ихъ, продолжая безъ перерыва разказъ Теофана и Георгія,—приступили однако къ своимъ изложеніямъ событій не ранѣе половины X вѣка и, слѣдовательно, вообще не могутъ быть разсчитываемы, какъ источникъ первой руки. Относительно продолжателей Теофана и Георгія и другихъ лѣтописцевъ X и послѣдующихъ вѣковъ, касающихся событій отъ нихъ отдаленныхъ, историческая критика должна прежде всего поставить и рѣшить вопросъ объ источникахъ, на основаніи которыхъ они составляли свою исторію.

По отношенію къ занимающему насъ періоду, вопросъ объ источникахъ представляется въ такомъ видѣ. Лучшій лѣтописецъ, пережившій эпоху торжества православія, Георгій, остановился въ своей лѣтописи на 842 годѣ и сообщилъ о событіяхъ этого года очень скудныя, скажемъ даже, весьма сбивчивыя свѣдѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, перечитывая заключительныя страницы лѣтописи Георгія, посвященныя Михаилу и Теодорѣ, приходишь въ изумленіе передъ жалкимъ, съ точки зрѣнія словеснаго искусства, способомъ изложенія мыслей у этого якобы знаменитаго и образцоваго писателя, у котораго учились

писатели послѣдующихъ вѣковъ. Чтобы не быть голословными, позволимъ себѣ сдѣлать анализъ относящагося къ собору 842 года мѣста ¹⁾).

Послѣ Теофила воцарился Михаилъ съ матерью своей Θεодорой. Онъ, по принятіи отеческаго царства, весьма благочестиво страхнувъ богопротивное новое ученіе, привнесенное въ церковь и много бѣдъ надѣлавшее, торжественно объявилъ искони Богомъ установленную, святую и православную вѣру. Θεодора же такъ была вѣрна и православна, что еще и при жизни мужа тайно чтила и покланялась святымъ иконамъ. Она по собственному рѣшенію, по предложенію же и убѣжденію канцлера и логовита Θεоктиста, изгоняетъ изъ церкви и изъ города патріарха Іоанна съ его единомышленниками, указавъ ему для обитанія Клідій, что на Восторѣ,—говорятъ, что онъ былъ ей кумъ. Вводитъ же святаго Мееодія монаха и ставитъ его патріархомъ, и всѣхъ Теофиломъ сосланныхъ монаховъ и епископовъ соединивъ, православную утвердила вѣру и церковь умирила въ первое воскресеніе великаго поста. Ибо хотя царь и былъ еще младенцемъ, но тотъ, который изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ хвалу, самъ и его приготовилъ воспѣть истину божественнаго догмата. Ибо онъ собралъ соборъ въ Константинополѣ изъ святыхъ и боговдохновенныхъ отцовъ, которыми тщательно изобличена была злая ересь злыхъ и отвратительныхъ иконоборцевъ и краснорѣчиво опровергнута гнусная болтовня еретиковъ, свѣтло просіяло слово православія какъ бы изъ нѣкоторыхъ тайныхъ и непроходимыхъ лабиринтовъ и мрачныхъ ущелій проклятой и презрѣнной ереси. И такъ вождь и учитель всѣхъ съ единомышленными ему гонителями и насильниками, какъ противники истины и защитники лжи, какъ хищные волки и участники гнуснаго и дьявольскаго манихейскаго служенія... изгоняются, возводится же общимъ избраніемъ и божественнымъ изволеніемъ и благодатію блаженный Мееодій, защитникъ православія, который всѣ извѣсты и пагубныя противъ святыхъ иконъ умыслы и нечистое пустословіе ересеначальниковъ и послѣдователей ихъ суетловія и помраченія прекрасно и со всею ясностью изобличилъ и опровергъ, какъ никто другой“...

Слѣдуетъ похвала патріарху Мееодію и его подвигамъ при царѣ Теофилѣ, при чемъ лѣтописецъ снова возвращается къ 842 году. „И такимъ образомъ сей божественный мужъ, по благословенію Божию, принявъ церковь; и при содѣйствіи богоносныхъ отцовъ домъ Божій,

¹⁾ Изд. Мурзѣта (С.-Пб. 1859), р. 718—719.

общество православныхъ направлялось и Божіею силой укрѣплялось и украшалось словомъ и дѣломъ, совѣтъ же еретичествующихъ, іудейское по истинѣ сѣмя и сообщество, въ конецъ постыжденное ослабѣло, явно обуздываемое и ежедневно опровергаемое. И скоро по царскому повелѣнію возвращены изъ ссылки и возстановлены содержавшіеся въ заключеніяхъ отцы и многіе монахи и не малое число благочестивыхъ свѣтскаго званія"...

Таково лѣтописное свидѣтельство современника, котораго, безъ сомнѣнія, весьма занимали событія 842 года и который не былъ лишенъ средствъ сообщить о нихъ точныя данныя. Для благочестиваго и вѣрующаго въ простотѣ сердца читателя здѣсь, можетъ быть, отыщется достаточно назидательнаго матеріала. Но, если отнестись къ приведенному мѣсту Георгія съ нѣкоторыми требованіями научной критики, то оно представитъ слишкомъ сомнительный по достоинству научно-историческій матеріалъ, изъ котораго нельзя ничего построить. Прежде всего настоятъ потребность объяснить составъ лѣтописнаго извѣстія въ томъ его видѣ, какъ онъ читается въ изданіи Муральта, а затѣмъ обращаться съ запросами въ самому лѣтописцу.

Въ изданномъ текстѣ монаха Георгія бросаются въ глаза несообразности, обнаруженіе которыхъ можетъ дать намъ ключъ къ уразумѣнію задачъ критики въ разсужденіи какъ Георгія, такъ и другихъ византійскихъ лѣтописцевъ. Подразумѣваемые несообразности заключаются въ слѣдующемъ:

1) Михаилъ или Θεодора возстановили православіе? Въ текстѣ монаха Георгія находимъ рядъ выраженій, выставляющихъ на первый планъ Михаила и приписывающихъ ему созваніе собора ¹⁾. Но у того же лѣтописца рядомъ выставляется и царица Θεодора и ей, какъ впрочемъ и слѣдуетъ, приписана главная роль въ созваніи собора и утвержденіи православія ²⁾. Намъ могутъ сказать, что изъ этого нельзя еще дѣлать особенныхъ заключеній, такъ какъ лѣтописецъ имѣлъ въ виду двухъ царствующихъ лицъ и потому имѣлъ право приписать тому и другому созваніе собора, утвержденіе православія, инакоженіе одного патріарха и возведеніе другаго. Этимъ

¹⁾ ὅστις τὴν πατρῴαν βασιλείαν διαδεξάμενος... τὴν ἱεράν τε καὶ ὀρθοτάτην πίστιν ἀνεκήρυξε... εἰ γὰρ καὶ νῆπιος ἐτύγγαθεν ὁ βασιλεὺς, ἀλλ' αὐτός (то-есть, Богъ) καὶ τοῦτον παρεσκεύασε τὴν ἀλήθειαν τοῦ Θεοῦ δόγματος ἀνημνῦσαι... σύνδον συναθροίσας... и проч.

²⁾ Ἡ δὲ Θεοδώρα οὕτως ἦν πιστὴ καὶ ὀρθόδοξος... ἐβεβαίωσε πίστιν καὶ τὴν ἐκκλησίαν εἰρήνευσεν.

соображеніемъ, если не всматриваться въ дѣло глубже, дѣйстви-тельно можно объяснить до нѣкоторой степени то обстоятельство, что лѣтописецъ неискусно изложилъ матеріалъ, разъ приписавъ распоряженія Михаилу, а потомъ тѣ же самыя распоряженія—*Θεοδωρῷ*. Но, если обратить вниманіе на то, что часть повѣствованіи, приписывающая означенныя распоряженія *Θεοδωρῷ*, является не отдѣльною, а заключенною въ повѣсть о Михаилѣ, то, очевидно, что повтореніе одного и того же разказа два раза не можетъ быть объяснено тѣмъ соображеніемъ, какое представляется вѣроятнымъ на первый взглядъ. Если лѣтописецъ хотѣлъ сдѣлать честь сыну и матери, то ему весьма естественно было всѣ распоряженія о созваніи собора и проч. излагать отъ двухъ царей, иначе говоря, глагольными формами *ἀνελήρθε, ἐβαβαίωσε, ἐπέτρεψε. συναβροίσα*—должны бы были быть употреблены во множественномъ числѣ.

2) Когда былъ низложенъ патріархъ Іоаннъ и возведенъ Методій, до собора или послѣ собора? Съ точки зрѣнія издавнаго текста *Γεωργία* этотъ вопросъ никонитъ образомъ не можетъ быть разрѣшенъ. Въ той части повѣсти, которая выставляетъ *Θεόδору* на первый планъ, распоряженія ея излагаются въ такой послѣдовательности: а) низложеніе Іоанна, б) возведеніе Методія, в) созваніе собора и утвержденіе православія. Въ той же части, гдѣ дѣйствія приписываются Михаилу, событія изложены въ такомъ порядкѣ: а) созваніе собора, б) низложеніе Іоанна, в) избраніе Методія, г) возвращеніе изъ ссылки православныхъ духовнаго и свѣтскаго званія. Спрашивается, возможна ли подобная сбивчивость въ лѣтописи, составленной современникомъ и сдѣлавшейся извѣстною въ царствованіе Михаила III, то-есть, до 867 года?

3) Всматриваясь въ текстъ *Γεωργία*, мы замѣчаемъ въ немъ кромѣ двойнаго или даже тройнаго повторенія одной и той же мысли съ нѣкоторыми стилистическими отличіями въ развитіи, еще ту странность, что манера изложенія автора мѣняется въ каждомъ отдѣльномъ предложеніи. Примѣровъ на небольшомъ отрывкѣ, избранномъ нами, можно указать не одинъ.

εἰσαγαγεῖ δὲ τὸν ἐν ἁγίοις Μεθόδιον, μοναχὸν ὄντα, καὶ πατριάρχην ἀποκαθιστᾷ...

ἀντεἰσαγάγεται δὲ κοινῇ ψήφῳ καὶ παρὰ προσβολῇ τε καὶ χάριτι Μεθόδιος ὁ ἀοίδιμος καὶ τῆς ὀρθοδοξίας πρόμαχος...

σύννοτον... συναυροίσας, ὑφ' ὧν ἡ
τῶν κακῶν καὶ δυσωνύμων εἰκονομά-
χων κακίστη αἵρεσις ἀκριβῶς ἐλεγχ-
θεῖσα καὶ τὰ βδελυρὰ τῆς ληρη-
ματι διαρρήδην ἀνατραπέντα...

ὅς γε (Μεθοδῖν) πάσας.. τὰς δια-
βολὰς καὶ τὴν ὀλέθριον κατὰ τῶν
ιερώων εἰκόνων μεθοδείαν καὶ τὴν βέ-
βηλον κενοφωνίαν τῶν αἰρεσιάρχων
καὶ φοιτητῶν τῆς ἐκείνων κενοφωνίας
καὶ φρενοβλαθείας ἄριστα καὶ σαφέ-
στατα ἐλέγξας καὶ ἀνατρέψας..

Непужныя повторенія абъ одномъ и томъ же и пропуски важ-
ныхъ и любопытныхъ фактовъ, школьническое упражненіе въ прие-
махъ развитія данной мысли на нѣсколько ладовъ, переходы отъ
простаго лѣтописнаго изложенія къ папыщенному ораторскому топу,
напоминающему вступленія или заключенія въ житіямъ святыхъ или
церковныя проповѣди X—XII вѣковъ,—вотъ что представляетъ намъ
текстъ Георгія о такомъ важномъ въ церкви событіи, какъ торжество
православія и соборъ 842 года.

Что же предстоитъ исторической критикѣ предпринять въ прило-
женіи къ подобному матеріалу? Можно ли пользоваться такимъ источ-
никомъ, который такъ явно выдаетъ свои недостатки?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ восстано-
вить авторитетъ монаха Георгія, нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній
на изданіе Муральта. Въ сущности и все то, что мы выше говорили,
какъ будетъ сейчасъ ясно, относится не къ лѣтописцу Георгію, а къ
издателю его. Здѣсь мы, впрочемъ, уступаемъ слою прекраснымъ зна-
токамъ рукописнаго лѣтописнаго матеріала, знакомство съ трудами
которыхъ обязательно теперь для византиниста. Издатель лѣтописи
Θεοφάνη, Де Бооръ ¹⁾ говоритъ объ изданіи Муральта: Подъ именемъ
лѣтописи Георгія Монаха, Муральтъ издалъ какой-то хаосъ, въ ко-
торомъ представляются два или три различныхъ слоя переработки
оригинала. Другой византинистъ, авторъ сочиненія о византийской
исторіографіи IX и X вѣковъ, Гиршъ, на основаніи изученія рукопи-
сей Георгія, приходитъ къ слѣдующему выводу: „Мы имѣемъ двѣ
различныя редакціи хроники Георгія: одну краткую, другую —
болѣе богатую фактическимъ матеріаломъ“. Что касается взаимнаго
отношенія той и другой редакціи, то ученый изслѣдователь выска-
зывается въ такомъ смыслѣ: Краткій текстъ долженъ считаться
первоначальнымъ, а обширная редакція есть результатъ позднѣй-

¹⁾ De Boor, Theophanis Chronographia II. S. 360.

шихъ прибавокъ. Именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пространныя редакціи рукописей имѣютъ дополненія (рукописи Московская, Мюнхенская и Парижская), встрѣчаются такія фразы, которыя указываютъ на позднѣйшее ихъ происхожденіе. Такъ, въ жизнеописаніи Теофила ¹⁾ повѣствуется, что онъ украсилъ усыпальницу своей любимой дочери Маріи серебромъ, но что царь Левъ снялъ эти украшения. Этотъ царь Левъ царствовалъ отъ 886 до 912 года, и приведенное мѣсто могло быть написано не ранѣе X вѣка. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 708) въ повѣствованіи о патріархѣ Іоаннѣ и о построенномъ имъ дворцѣ Труллѣ сказано, что этотъ домъ и доселѣ называется Трулломъ. Ясно, что писавшій это не былъ современникомъ Теофила и Михаила. Такимъ образомъ, какъ эти, такъ и другія мѣста написаны не Георгіемъ, но составляютъ вставки, сдѣланныя въ послѣдующее время, и что въ подробныхъ редакціяхъ мы имѣемъ позднѣйшую переработку хроники Георгія, въ которой текстъ оригинала иногда сокращенъ, а обыкновенно распространенъ большимъ числомъ извѣстій. Дальнѣйшее доказательство этого заключается въ томъ, что грубыя ошибки встрѣчаются въ такихъ мѣстахъ, которыя совершенно невозможно объяснить въ примѣненіи къ современнику—Георгію.

Приведенныя мнѣнія о состояніи рукописей Георгія монаха и объ изданномъ Муральтомъ текстѣ должны послужить руководящимъ началомъ для историковъ въ ихъ будущихъ изысканіяхъ. То обстоятельство, что популярнѣйшіе историки, сохранившіеся въ значительномъ количествѣ рукописей, представляютъ сокращенныя и дополненныя редакціи, замѣчено было уже ранѣе и высказано десять лѣтъ назадъ пишущимъ эти строки по поводу рукописей Никиты Акомината. Это наблюденіе теперь должно быть распространено на значительную часть византійскихъ лѣтописцевъ, которые испытали ту же судьбу, что и Никита Акоминатъ.

Итакъ, возвращаясь къ страннымъ риторическимъ упражненіямъ, изданнымъ Муральтомъ подъ 842 годомъ, мы не можемъ разсматривать ихъ, какъ произведеніе Георгія; здѣсь дѣйствительно сведены два или три слоя разновременныхъ приписовъ, размышленій, объясненій и дополненій, сдѣланныхъ читателями оригинальнаго произведенія нашего лѣтописца и неразборчивымъ переписчикомъ сведенныхъ въ одно цѣлое. Дѣло ученой критики при изданіи писателя было—

¹⁾ Изданіе Муральта, стр. 704.